

Сила слабыхъ.

Что въ томъ, что одинъ еще не начиналъ беспокоиться, а другой уже успѣлъ дойти до запертой двери и объ нее крѣпко стукнулся лбомъ. Всѣхъ въ свое время то-же самое ожидаетъ, если не выйдутъ на спасительную дорогу смиреннаго общенія съ народомъ.

Достоевскій (Рѣчь о Пушкинѣ).

Въ настоящее время развертывается событіе мірового значенія, подлинную сущность и послѣдствія котораго даже самымъ прозорливымъ не угадать.

Событіе это — Русская Революція, но не въ ея соціально-политическомъ смыслѣ и значеніи, а въ ея національно-метафизической сущности. Какъ явленіе порядка соціально-политическаго, она, вѣроятно, подчиненно протекаетъ по руслу революціонной законности. Тайна — въ ея національно-міровомъ итогѣ.

Не коммунистической только заразы боится Западъ, когда пытается окружить Россію заставами. Европа поняла, правда еще не отчетливо и не увѣренно, скорѣе ощутила, грядущій итогъ Русской Революціи и уже содрогнулась передъ нимъ и приняла мѣры защиты. Она поняла, что итогъ этотъ опредѣлится не революціонной энергіей русскаго коммунизма, а историческимъ предопредѣленіемъ всего русскаго народа. Поняла, что на глазахъ у всѣхъ вырастаетъ и крѣпнетъ прежняя Европейская провинція, съ которой неминуемо придется сразиться, которая даже первая, не дожидаясь высокаго вызова — обрушится войной обличенія, укора и гнѣва на свою недавнюю и, казалось, вѣчную метрополию.

Россія была великодержавной, никогда не будучи государственной. Государственный навѣкъ всякаго народа опредѣляется равнодѣйствующей государственной сознательности всѣхъ индивидуумовъ его составляющихъ. Великодержавность — есть предопредѣленная потенція властности, размаха и разлива всей народной сущности. Это безсознательное ощущеніе мощи, это удѣльный вѣсъ всей народной массы, вытѣсняющей, раздвигающей

собою окружающую среду. Это — невольное самоутверждение, *droit sacré* собственного бытия. Иногда великодержавность высокомерно разрастается, иногда слабѣетъ, разлагается, — превращая крѣпкую, казалось, государственную плоть въ рыхлое, безсильное, рассыпающееся человѣческое вещество. Бываетъ, что даръ великодержавности совпадаетъ съ выработанными способностями къ государственной технике — иногда же они взаимно исключаютъ другъ друга...

Слава Россіи — не сознательно обусловлена государственной способностью ея народа. Славой — Россія слѣпо одарена въ ея великодержавной сущности. Этой сущностью опредѣлена вся исторія русскаго народнаго коллектива, ей всецѣло подчинена русская личность, ею обуславливаются свойства русской души и воли, вѣрнѣе даже, свойство массы вытекаетъ изъ свойства личности. Подобно приливамъ и отливамъ великодержавности русскаго государственнаго коллектива — русская личность, на путяхъ духовнаго восхожденія, на путяхъ великаго жизненнаго искуса, также колеблется, шатается между подвигомъ и паденіемъ, между взлетомъ и срывомъ. Взлетъ поражаетъ своей возносящей силой, точно невидимая рука съ неба простирается и подхватываетъ. Срывъ — всегда ужасенъ бездной своего паденія, потерей Лица Божьяго.

Иногда смиреніе, покорность — граничатъ съ подобострастіемъ, съ трусостью, съ подлымъ чувствомъ собственной потерянности — иногда смѣлость становится безумной, вызывающей гордыней. Въ этихъ колебаніяхъ — законъ исторіи русскаго народа, равно какъ и законъ жизни каждой его личности. Въ этой смѣнѣ возвеличенія и униженія жила народная, стихійная Россія, то безмѣрно великодержавная, то обезсиленная и поработенная, когда внезапно таинственныя силы народной напряженности, эластичности — изсякали, складывались, поджимались, какъ гигантскія крылья испуганной птицы.

Русская интеллигенція издавна привыкла воспринимать европейскую культуру не въ сознаніи равенства, а въ убѣжденіи ея превосходства, обязательности, исключительности и правоты. Эта робость и подчиненность безусловно коренится въ самомъ существѣ русской природы: если ужъ признать себя неравнымъ, допустить надъ собой чье либо превосходство — то необходимо и подчиниться, смириться, малодушно отречься отъ своего. Это своего рода послушничество, даже самопредательство. Въ отношеніи

чужихъ народовъ, стихійная Россія была, либо великодержавной, т. е. владычной, либо разлагаясь, безвольно покоряясь, сдаваясь въ рабство — все-таки судорожно сжимала, ревниво затаивала свои завѣты въ глубинахъ народной души...

Всечеловѣческія идеи отображаются у различныхъ народовъ въ формахъ разнообразныхъ культуръ. Развивая въ себѣ геній всечеловѣческаго идейнаго вмѣстительства — русская интеллигенція тѣмъ самымъ совмѣщала, вбирала въ свое сознаніе, до полного сродства съ ними, всѣ разновидности чужихъ европейскихъ культуръ, въ ущербъ самораскрытію и утвержденію собственной. Вслѣдствіе этого русская интеллигенція оказалась интернаціонально просвѣщена, но обезличена. Специфическая „интеллигенція“, конечно, не исчерпываетъ Россіи, какъ великаго цѣлага. Въ проявленіяхъ владычной великодержавности, въ творческомъ дѣлѣ культуры — Россія хранитъ, какъ драгоценное достояніе, примѣры своеобразной, исключительной и подлинной національной воли.

Въ настоящее время, въ эпоху величайшей трагедіи упадка, паралича державныхъ силъ и воли русскаго народа, въ эпоху, когда вся собранность русской государственности ослабѣла и расплылась, и тѣмъ самымъ должны на ново рождаться и строиться всѣ внутреннія ея взаимоотношенія — народная стихія безсознательно, но властно, подняла гоненіе мести и обличенія на свою сознательную часть, когда та не смогла отвѣтить ей, въ великій моментъ испытанія — близкой, понятной ей, народной, національной культурой. Нельзя сказать, что вся интеллигенція изгнана, но можно смѣло утверждать, что, за малыми исключениями, изгнана только интеллигенція.

Этимъ изгнаніемъ произнесенъ грозный приговоръ той формѣ воспріятія западной культуры, которая со временъ Петра признавалась русской сознательностью — непреложной и истинной. Насколько творящій, вѣщающій геній Россіи оказался свободнымъ и самобытнымъ, настолько геній вмѣщающій, усвояющій — раскрылся во всей своей робости и подчиненной обусловленности.

Интеллигенція оказалась распыленной по всему міру. Въ то время, какъ народная стихія въ мучительныхъ бореніяхъ и страстяхъ — вновь обрѣтаетъ свои таинственныя, великодержавныя силы, которыя рано или поздно раскинуть, разольютъ ее въ прежней славѣ и силѣ, — русская интеллигенція, впервые поставленная лицомъ къ лицу, личность къ личности къ культурнымъ наро-

дамъ всего міра, и поставленная тѣмъ самымъ въ необходимость наконецъ заслуженно самооцѣнить свои возможности, а главное свои національные, народные истоки, начала переживать искупительный процессъ позднего самонахожденія и самоутвержденія. Только въ дѣйственномъ, фактическомъ противоположеніи, а не изъ „прекраснаго далека“ и не въ процессѣ слѣпого усвоенія, русская интеллигенція реально ощутила черту, которая прошла между ней и ея вчерашнимъ духовнымъ кумиромъ. Поняла и раскаянно содрогнулась, т. к. слишкомъ неоцѣненно-драгоценнымъ оказалось свое и слишкомъ изжитымъ и бѣднымъ чужое, Бессильная, изгнанная, она начала свое перерожденіе и если отъ него не отступится то въ близкомъ грядущемъ обрѣтетъ опять свои подлинныя силы и права.

Народъ собираетъ свои силы въ коллективномъ бореніи, интеллигенція — въ опытѣ личности. Сейчасъ — это враги, т. к. въ жадѣ самовыявленія и освобожденія отъ чужихъ формъ сознанія и жизни — народъ поставилъ интеллигенцію на сторону своихъ европейскихъ враговъ. Но было бы великой ошибкой думать, что мечомъ коммунизма борется русскій народъ съ Европой и интеллигенціей. Наоборотъ, коммунизмъ это послѣднее обличіе, которое приняла интеллигенція въ своемъ фанатическомъ отстаиваніи принципа уравнительности и всеобщности.

Изгнавъ, въ порывѣ ненависти, своихъ ложно идейныхъ воителей — русскій народъ, въ своемъ исканіи сознательной истины, по привычной подчиненности, отдалъ свою судьбу, повергъ себя въ рабство еще разъ, новой диктатурѣ той-же интеллигенціи, но наиболѣе страшной и властной ея части, не сознательно-идейной, которая господствовала до тѣхъ поръ, пока революція не стала фактическимъ осуществленіемъ, а фанатически волевой. Безотвѣтственно — мятежныя силы интеллигенціи, отбираясь въ слѣпомъ устремленіи къ всемірно-соціалистическимъ идеямъ, — сосредоточили страшную волевою энергію въ нездоровой, перегрѣтой атмосферѣ эмигрантства и подполья. Эта воля — жгучая, жестокая, мстительная, незнающая удержа, нынѣ схватила въ свои тиски — потерявшія свою звѣзду народныя массы. Но ея путеводная истина чужда и ненавистна подлинной Россіи, какъ и прежняя, ибо большевистскій интернаціональ есть лишь волевое послѣдствіе космополитическихъ блужданій и соблазновъ русскаго безбожнаго, грѣховнаго интеллигентскаго духа; грѣховнаго, ибо внѣ Церкви не можетъ быть праведна мечта о всемірности и истинѣ.

Это рано или поздно будет понято всѣми, послѣ чего волевая (последняя?) диктатура интеллигенціи будетъ также стихійно сметена. Тогда совершится великій завѣтъ Россіи, сбудется пророческая ея тайна: — умудренный и успокоенный народъ и прозрѣвшая интеллигенція примиренно объединятся подъ однимъ великимъ и всеразрѣшающимъ куполомъ Православной Церкви и передъ обѣими издавна враждующими сторонами — обнажится истинный великій врагъ, исконный соблазнитель, противъ котораго тогда, въ одномъ порывѣ радости и общей воли, возстанутъ русская интеллигенція и народъ.

П. Сувчинскій.
